

Моск. правда. - 1993. - 27 апр. - с. 16.

Соло на арене

В знаменитой «высотке» на Котельнической набережной живет и Нерон Третий. Хотя по сути он не третий, а первый. У Ирины Бугримовой раньше никогда не было котов, хотя ее жизнь самым тесным образом связана с животными из породы кошачьих. И Нерон Третий «ведет счет» от своих дальних родственников — львов, с которыми работала дрессировщица на протяжении почти четырех десятилетий.

Ирина Николаевна вообще раньше не держала дома животных. Во-первых, потому, что «дома», как такового, у нее долгое время не было. Квартиру в «высотке» она получила после 20 лет кочевой цирковой жизни. Кочевая жизнь продолжалась и после получения жилплощади — каким же образом можно было содержать «домашних животных», если хозяйка практически не бывала дома?

Однако Бугримову невозможно представить без животных. «У меня было около 70 львов, 8 лошадей, 12 собак, — говорит Ирина Николаевна, и добавляет, смеясь, — а также два мужа». Около пятидесяти лет она провела на арене, до 67-летнего возраста работала со львами. Неоднократно, по слухам, ее «съедали», неоднократно в реальности она была «порвана» своими хищными любимцами, но до сих пор остается верна цирку. Поистине — женщина-легенда.

— Ирина Николаевна, хотя вы с 1976 года не работаете на арене, дома вас застать очень трудно. Вот и сейчас больше месяца вас не было в Москве. Очевидно, ваша поездка, как всегда, связана с цирком?

— Да, в начале года прошли три конкурса циркового искусства — в Милане, Вероне, Париже — и я как член жюри была приглашена.

Очень интересен парижский конкурс, ставший уже традиционным — «Цирк будущего», где принимают участие самые молодые артисты — от 6 до 25 лет. Однако наиболее сильное впечатление у меня осталось от конкурса в Вероне. Это связано и с организацией самого мероприятия, и с блестящими выступлениями наших артистов.

В Вероне был поставлен новый цирк-шапито больших размеров, чтобы можно было работать любые номера. И там был премьерный показ номера, над которым несколько лет работал замечательный мастер с «соответствующей» фамилией — Майстренко. Он создал настоящую феерию — спектакль в воздухе, который начинается на арене, а заканчивается под куполом цирка. Если в двух словах, то там борются силы добра и зла (добро, конечно, побеждает). Ничего подобного в цирке давно не было. Номер прошел 4 раза и неизменно — под гром оваций, хотя в числе зрителей были самые высокие мастера и знатоки циркового искусства. Так что нам есть чем гордиться.

— Когда вы пришли работать в цирк, не было конкурсов, подобных парижскому, где юные артисты могли бы блеснуть, обратить на себя внимание. Каким был ваш путь на арену?

— Дети из цирковых семей традиционно выходили на арену очень рано. Хотя в советское время профсоюзы стали их «защищать», и нам потом пришлось долго бороться за право ребят быть артистами, невзирая на возраст.

Однако сама я — не из цирковой семьи, хотя отец имел некоторое отношение к цирку. Его, профессора ветеринарии, иногда приглашали лечить четвероногих артистов, и я его сопровождала. Но, хоть я и познакомилась с цирком «изнутри», детских мечтаний о том, чтобы стать цирковой артисткой, у меня не было. Когда же я уже вполне в зрелом возрасте надумала выступать на арене, мама, привыкшая со временем ко всем моим причудам и увлечениям, такое решение поначалу никак не могла принять.



«Подумай, это ляжет пятном на всю твою жизнь!». Отношение к «циркачам» у дореволюционной интеллигенции было вполне определенное, и мама, выросшая в атмосфере искусства, цирк к такому не относилась.

Мамино увлечение музыкой сказало и на мне — в семь лет меня отдали в музыкальную школу. Папа был большим поклонником балета, и, заметив мою пластичность, родители, по советам друзей, определили меня в частную балетную студию. На какое-то время балет стал главным в моей жизни, и я добилась хороших успехов, поступив в студию при Харьковском оперном театре, выступая уже в спектаклях. Но в это время я очень увлеклась спортом и scene в конце концов предпочла стадион.

Надо сказать, что с самых юных лет мне во всем и всегда хотелось быть первой. Такой характер. Сказалось и то, что я была четвертой девочкой в семье, а папа очень хотел мальчика. И я пообещала ему, что заменю сына. А значит, мне надо было быть сильной, смелой, ловкой — самой-самой. И чем бы я в своей жизни ни занималась, всегда стремилась быть в лидерах. Вообще ничего не могу делать плохо, вполсилы. Даже домашнюю работу.

В спорте я тоже достигла хороших результатов. За два года стала чемпионкой Украины. А тогда для получения чемпионского титула надо было стать призером в соревнованиях по

разным видам спорта. Я занималась бегом, прыжками в длину и высоту, метала диск, толкала ядро, играла в хоккей с мячом, увлекалась водными видами спорта. В те годы на наших экранах появились американские фильмы, в которых актеры совершали головокружительные трюки, и я мечтала стать такой актрисой. Но потом мысли о кино ушли в сторону.

Я всегда была неугомонная. Достигнув каких-то высот, хотела нового, неизданного. Это и привело меня в цирк. В 1928 году на 1-й Всесоюзной спартакиаде я познакомилась с Александром Буслаевым, спортсменом, мотогонщиком, азартным человеком. И вместе с ним мы задумали сделать цирковой ат-

тракцион — «Полет на санях». Подобное я видела у зарубежных гастролеров, артистов Лейнарт, однако необходимых чертежей, расчетов у нас, конечно, не было. Помогли энтузиасты с Харьковского авиазавода. И после двух лет упорной работы первый советский механический аттракцион был готов.

Зрители нас встречали хорошо, но чувство неудовлетворенности уже глодало меня. «Полет на санях» не требовал репетиций, и весь день был свободен. Я начала пробовать себя в разных цирковых жанрах, однако победила в конце концов моя давняя любовь к лошадям (еще в детстве ездила с отцом на ипподром, где он работал, помогала ему, училась верховой езде). И, купив лошадь — Сынра. — я в 1937 году подготовила номер «Высшая школа верховой езды».

— Эти страницы вашей цирковой биографии не очень известны нынешним зрителям, которые помнят вас, в основном, как знаменитую дрессировщицу, укротительницу львов. Как вы решились войти в клетку к хищникам да еще работали с ними одна, без напарника?

— Я уже говорила о своем стремлении везде и во всем быть первой. Однако, когда мне первоначально предложили принять группу леопардов, отказалась. Сказалось в данном случае и нежелание Александра Буслаева делать новый номер, кроме «саней» и высшей школы верховой езды. К тому же управляющий цирками Александр Данкман, предложивший мне

заняться хищниками, «видел» в клетке меня одну, без ассистента. Буслаев в данном случае оказывался «на вторых ролях», что его, конечно, не устраивало.

Однако, когда мне предложили львов, я его уговорила. Из хищников львы мне нравились больше всего. Все-таки «цари зверей», а я сама претендовала на роль вот ли не царицы. В прессе потом иногда так и писали — «царица среди царей».

Чтобы и Буслаев в номере выступал как равноценный партнер, мы задумали соединить несоединимое — львов и мотоцикл. Сначала я выступала с хищниками «соло», затем Буслаев ездил по оборудованному в клетке треку наперегонки с Цезарем и Каем, «катал» на мотоцикле Юлия, а в завершение мы, уже без животных, устраивали гонки по вертикальной стене (нижняя часть клетки была сконструирована специально для этого).

Надо ли говорить, как трудно было приучить львов не только к реву двигателя, но поначалу и к самому виду мотоцикла, к запаху бензина? Но для меня всегда тем интереснее, чем труднее. К тому же животное — это не механический аттракцион, где главное — технический расчет. У каждого льва — свой характер, свои «таланты», которые надо выявить, чтобы наиболее эффективно использовать в номере. Не все талантливые «артисты» соединимы в группе. От одних приходится отказываться из-за их чересчур агрессивного характера, от других — от чрезмерной, мешающей работе «любви» к дрессировщице, как это случилось, например, с Демонном. Звери умирают, именно умирают, а не дохнут, и это каждый раз — трагедия. Тем более когда умирает такой друг, как Цезарь, с которым мы вместе проработали на арене 23 года и который ни разу не предал меня во время «звериных бунтов».

— Но ведь «звериные бунты» случались, и нередко вы страдали от когтей и клыков ваших питомцев, которые, хотя и артисты, но все-таки хищники. Не поощряло ли вас чувство, что вы занялись не тем делом, что лучше было бы в свое время остаться в балете? И не мешала ли работа в цирке вашей личной жизни?

— Многие ли могут сказать, что полностью исчерпали свои возможности, данные им природой? А у меня нет осадка, что чего-то не получилось в жизни, что-то не успела, не сделала или меня не заметили, не оценили. Я всегда высоко несла и несу свое «я». По сегодняшний день.

Искусство мне заменило все, а цирк — это, несомненно, искусство. С 53 лет я стала жить одна и со временем поняла, что поступила правильно. Благодаря этому я так одухотворенно работала, оставалась на манеже до 67-летнего возраста, чего почти не бывает. Когда женщина полностью отдает себя искусству, ей не до мужа, не до детей. К тому же мужчины, которые были рядом, как-то «не тянули» на роль мужа, с ними было неинтересно, а других я не встретила. И все-таки могу сказать, что считаю себя счастливой и удовлетворена своей жизнью.

Что же касается «звериных бунтов», то это — «оборотная

сторона медали» работы дрессировщика. К сожалению, очередной такой бунт несколько ускорила мой уход с манежа, уход, к которому я заранее готовилась и который планировала на Год женщины. В представлении, подготовленном Московским цирком на проспекте Вернадского, был сделан акцент на женские номера, к тому же в финале символически молодое поколение принимало эстафету мастерства у старших. Лучший момент для завершения артистической карьеры трудно было придумать. Однако свой «финал» мне пришлось несколько отодвинуть, и я твердо решила совместить его с окончанием гастролей во Львове. Но отработала там лишь 10 дней. 10 мая на 16-часовом представлении Нерон, который давно уже за мной охотился, меня «обыграл». В этот раз сильно пострадали ноги. К счастью, у меня была уже достойная замена — Борис Бирюков. И на вечернем представлении в тот же день он вышел на манеж уже со своей группой львов.

— У вас, очевидно, было много учеников? Мы с вами познакомились за кулисами Московского молодежного иллюзионного театра, где в представлении также участвуют звери, хотя и не хищники. Носит ли ваша педагогическая деятельность постоянный характер?

— Я создала свою школу дрессировки, и многие артисты, которые сейчас работают с хищниками, ездили со мной, наблюдали: как дрессировать, кормить животных, ухаживать за ними. Но не всех из таких «наблюдателей» я могу и хочу называть своими учениками. Знания, которые получает человек, он преломляет через себя, свое сознание. И в дрессировщике это особенно сказывается — его нутро, характер.

Признаю своим учеником Бориса Бирюкова, который 20 лет ездил со мной и, работая своим номером, параллельно занимался львами. Рада, что на конкурсе в Монте-Карло мне довелось представить жюри (членом которого была и я) Николая Павленко, которого считаю на сегодняшний день дрессировщиком номер один. Он лучший во всех отношениях — и в содержании животных, и в дрессуре, в понимании характеров тигров, в работе с ними на манеже. Золотая медаль в Монте-Карло стала достойной наградой ему.

Наш цирк сейчас переживает очень тяжелый период. После развала Союза из 80 цирков, действовавших по стране, половина отпала. А артисты и животные — наши. Как им кормиться? Выручают зарубежные гастроли, где мы зарабатываем валюту и меняем ее на рубли — на зарплату работникам цирка, на корм животным.

Я говорю «мы», потому что не отделяю себя от цирка. Работаю на добровольных началах как режиссер, помогаю молодым, долгие годы возглавляла совет ветеранов, участвовала и участвую во всевозможных коллегиях, советах. Как это называть — общественной, воспитательной деятельностью? Не знаю. Цирк — это вся моя жизнь.

Беседу вела
Л. ФОМИНА.